

лит. газ. - 1995, - 23 авг. - с. 8.

“Мы и на Западе остаемся русскими”

Мстислав Ростропович о Родине и о себе

Когда прославленный музыкант встретил меня с распростертыми объятиями в холле своих апартаментов на 19-м этаже люксембургского отеля “Интерконтиненталь”, я неожиданно для себя вдруг спросил его совсем не о том, к чему готовился перед встречей.

— Мстислав Леопольдович, в августе девяносто первого вы примчались в Москву и пошли на баррикады — на защиту Белого дома. Скажите четыре года спустя, оправдались ли ваши надежды? Пошли бы вы и сейчас на баррикады, если бы что-то подобное произошло — пошли бы вы защищать то, что мы имеем сегодня?

— Могу ответить совершенно определенно — пошел бы! Исклчительно из-за моего пристрастия к демократии. Но пошел бы не для того, чтобы защищать то, что мы имеем, а то, куда мы идем. Вот ведь в чем дело! Я довольно часто бываю в Петербурге и вижу, не вдаваясь в глубокий анализ, много положительного, чего не было прежде. Это и сам облик похоронившего города, и продукты, товары в магазинах... Таково мое видение российской жизни.

— Но не кажется ли вам, что в этой жизни образовались полюсы: с одной стороны, есть определенный позитив, даже процветание кое-кого, с другой — народ нищает, преступность растет, в стране девять миллионов безработных. А возьмите стариков, которых всеми своими реформами-выкрутасами государство, а точнее, горе-реформатор Гайдар, лишило накоплений, пустило по миру, обездолив мизерными пенсиями. Ведь в обществе идет сильнейшее расслоение, и происходит это весьма болезненно.

— Абсолютно согласен. Да, у нас есть сейчас такие богатые люди, которым и в подметки не годятся западные богачи. И детей своих они обучают в лучших школах и университетах Запада, и это, кстати, неплохо. Это наши воротилы, так называемые “новые русские”. Я их встречаю повсюду — и в Стокгольме, и в Токио, и на Лазурном берегу Франции. Но в этом есть

какая-то естественность, что ли, когда в стране появляются богатые...

— Простите, но вы, зная западную жизнь, прекрасно понимаете, что всего лишь за три-четыре года невозможно столь сказочно разбогатеть. Стало быть, все это наворовано. Было общее, так сказать, всенародное, но тот, кто подсутился, загреб это общее себе, не так ли?

— Полностью согласен. Но те, кто нахапал, похоже, уже умеряют свои аппетиты, и в России начинают все-таки вводить контроль, пересматривать условия получения больших доходов. Понимаете, я не политик, я — музыкант. Но мне кажется, что нашу советскую систему невозможно было трансформировать плавно, безболезненно, без серьезных издержек. Вот в этом-то и причина искривлений. Разрушив старую систему, мы соорудили новую, и при этом возникают неминуемые трудности, но что поделать. И в той демократии, которую мы сейчас имеем, есть изъяны, недостатки. Возьмем голосование при выборах: здесь один голос равен любому другому. Но ведь один человек, голосуя, знает, за что, за кого, несет ответственность за свой выбор, а другой ничего не знает, ничего не понимает, а голоса у них равные, один к одному. Это несправедливо, это разные весовые категории... Нам ко всему прочему не хватает элементарной культуры поведения. Возьмем Бориса Николаевича Ельцина. Я считаю, что порой к нему у нас относятся просто по-хамски, неуважительно, особенно некоторая пресса. Но мы же его сами избрали и поэтому, как это везде принято, должны относиться к нашему избраннику хотя бы с элементом уважения. Я лично уверен, что он честный человек, я это инстинктивно чувствую. Во всяком случае, я думаю, что он не наживается в отличие от некоторых других, занимающих высокие посты... Кстати, на мой взгляд, нашей Думе недостает культуры поведения и понятий о демократии. Ходят там какие-то в красных пиджаках и черт знает чем занимаются. Какая-то несерьезность ощущается. Возьмите реакцию на выступление Александра Солженицына в Думе — она мне напоминает выступление в свое время Сахарова в

Верховном Совете. А чем они занимаются, наши депутаты? В основном обеспечением своего существования. Мне вот непонятно, как людям не стыдно бороться за свою депутатскую неприкосновенность. Если бы, скажем, я попал в Думу, то решил бы так: благодаря тому, что избран народом и работаю от имени народа, пожалуйста, судите, если это нужно, — я готов. Когда меня лишили гражданства, я написал Брежневу, что мы готовы в любое время и в любом месте пойти на суд, но только чтобы суд был открытым и чтобы нам предъявили обвинения. Свою порядочность Дума могла бы продемонстрировать, если бы какой-то депутат встал и сказал: “Ставлю вопрос на голосование — кто за то, чтобы от неприкосновенности отказаться?” И если 98 процентов поднимают руки, то тогда я бросаю все свои дела, приезжаю в Москву и даю в Думе концерт.

— Давайте поговорим на более близкую вам тему — о вашем творчестве, о судьбах российских деятелей искусств. В Люксембурге вы уже второй раз в этом году, поскольку Люксембург является сейчас столицей европейской культуры и вы руководите здесь Объединенным оркестром молодых исполнителей стран Европейского союза. Стало быть, выступаете уже в масштабе общеевропейской культуры, а правильнее — в масштабе мировой. Так какое же место в вашей столь насыщенной творческой деятельности занимает Россия?

— Россия в моей жизни и творчестве всегда занимает главенствующее место. Если говорить начистоту, то за 21 год моего пребывания на Западе я сделал для российской музыки, для ознакомления других народов с ней намного больше, чем если бы находился в России. Наверняка больше! Конкретный факт — произведения российских композиторов занимают в моем репертуаре неизменно солидное место. В то же время я обогатил себя глубоким познанием западной музыки, донося эти знания и до своей страны, до аудитории российских любителей музыки. Ведь 17 лет я руководил Национальным оркестром США, и моя амплитуда как музыканта значительно расширилась, поскольку

21 августа 1991 года. Мстислав Ростропович с москвичами, поддерживавшими российскую демократию. Фото Валерия ХРИСТОФОРОВА (ИТАР — ТАСС)

был вынужден серьезно заниматься современной западной музыкой. Поэтому, когда такие наши таланты, как Евгений Кисин или Максим Венгеров, выезжают за рубеж и много играют с западными оркестрами под руководством известных дирижеров, то это идет на пользу всем.

— Все это, вероятно, так, но не считаете ли вы опасным, что цвет нашей культуры, искусства разбрасывается по миру, ведь едут лучшие...

— Что значит — едут туда? Мы и там остаемся русскими. И Кандинский, и Шаляпин, и Рахманинов, которого у нас запрещали исполнять, оставались всегда русскими.

— Однако все они утверждали, например Бунин, что им не хватает России, что их мучает ностальгия, угнетает положение эмигрантов.

— А знаете, почему так происходило? Я вам скажу. Более или менее я хорошо знаю эмиграцию Америки — японскую, китайскую, итальянскую. У них никогда не было этой болезненной ностальгии по той простой причине, что их не изгоняли с родины и они всегда могли вернуться и зачастую возвращались. Они не чувствовали себя отрезанным ломтем — в этом вся суть. А я жил там почти двадцать лет, постоянно ощущая себя изгнанныком и без всякой надежды на возвращение. Слава Богу, что произошло такие перемены и я могу бывать в России, когда хочу.

— Ваши приезды в страну всегда связаны с концертами, с выступлениями?

— Не всегда и не только. В сентябре приеду на полтора месяца в Москву ставить в Большом театре оперу “Хованщина”. Премьеры будут 9 и 11 ноября. 21 октября в Московской консерватории дам концерт в фонд строительства храма Христа Спасителя.

Этот храм нам обязательно надо восстановить для самих себя, для будущих поколений. Так же как с почестями похоронить останки царя и вынести и предать земле Ленина. Я хочу дожить до этих событий. Но это далеко не все, что я делаю в России, для России. В Петербурге завершается строительство дома на сто квартир для бывших воинов Отечественной войны, которые сейчас прозябают в Прибалтике и находятся в жутких условиях, даже не имея средств, чтобы вернуться на родину, да и некуда им возвращаться... Идея построить такой дом возникла так. В 1993 году я приехал в Россию с Вашингтонским оркестром, и мы выступали также в странах Прибалтики. В Таллине ко мне подошел старший человек — участник войны. Он рассказывал страшные вещи о притеснении русских,

особенно стариков, эстонскими властями. Глядя на него, я вдруг живо вспомнил 9 мая 1945 года: праздничная Москва и мы, толпа людей, ловим на улицах наших солдат, поднимаем их на руки, несем, качаем в упоении нашей общей радостью. И я подумал, слушая несчастного ветерана: может быть, это его я нес тогда на руках по московским улицам... Сразу же пришло решение — помочь. Свою инициативу я так и обозначил — “Поможем соотечественникам!”. Обратился к властям Петербурга, и они выделили землю за городом, дал несколько концертов для сбора средств, призвал банки и другие организации включиться в это мероприятие — и дело пошло. Дом скоро будет готов, и мы примем сто семей старых воинов. Мне еще нужно, правда, где-то выделить сто сантехнических узлов, может, часть дадут мои люксембургские поклонники... Но ведь пора бы и “новым русским” помогать таким начинаниям, нашему искусству, они должны уже делиться своими богатствами. Возьмите Соединенные Штаты — там частные лица, частные компании фактически содержат культуру. Национальный оркестр Америки, которым я дирижировал, от продажи билетов имел в год 2,5 миллиона долларов, а наш бюджет был 14,5 миллиона. Все это просто давали.

— Слышал, что ваша жена Галина Вишневская уже делится своими доходами, создав фонд при Большом театре.

— Да. Было такое. Создала и сама же его закрыла, потому как у нас особые, мягко говоря, правила и порядки на этот счет. Вишневская из своих денег решила организовать фонд помощи артистам хора и артистам оперы Большого театра. Но что получилось? Приходят какие-то люди и говорят, что этот фонд должен платить налоги. Учредительница возражает: какие налоги, если в фонде только лишь ее собственные деньги, заработанные ею за границей, где она уже уплатила за них все причитающиеся налоги? Но это никого не убедило, и фонд пришлось закрыть, и Вишневская теперь просто дает деньги тем из артистов, кому считает нужным, чтобы поддержать молодые таланты. Вот так все и закончилось. А те, кому действительно следует платить налоги, они в стороне. Лично я ни одной копейки не беру себе из того, что зарабатываю в стране, — все оставляю в России. У меня ведь еще есть и подшефная детская больница в Оренбурге, есть фонд помощи педиатрии в России. Так что Россия, повторяю, занимает и занимает основное место в моей жизни и творчестве. Этой привязанности к России я не изменял никогда.

Владимир КАТИН,
соб. корр. РИА “Новости” —
специально для “Литературной газеты”
ЛЮКСЕМБУРГ